

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.2>

Вьюшкова Ирина Геннадьевна

Репрезентация восстания на Сенатской площади в романе Я. П. Полонского "Признания Сергея Чалыгина" (1867)

Цель исследования - определить специфические особенности репрезентации восстания на Сенатской площади в романе Я. П. Полонского "Признания Сергея Чалыгина". Научная новизна заключается в том, что впервые целостно осмысливается рецепция знакового события в отечественной истории - восстания 14 декабря 1825 г. - Я. П. Полонским, выявляются его исторические взгляды. В результате исследования делается вывод о том, что репрезентированное Я. П. Полонским в романе "Признания Сергея Чалыгина" восстание на Сенатской площади отражает позицию самого писателя - это "западничество", ориентация на европейский путь развития просвещенного государства. Я. П. Полонский выражает негативное отношение к описываемому событию в отечественной истории, затормозившему прогрессивное развитие России.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/10/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 10. С. 9-12. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2020.10.2>

Дата поступления рукописи: 15.08.2020

Цель исследования – определить специфические особенности репрезентации восстания на Сенатской площади в романе Я. П. Полонского «Признания Сергея Чалыгина». **Научная новизна** заключается в том, что впервые целостно осмысливается рецепция знакового события в отечественной истории – восстания 14 декабря 1825 г. – Я. П. Полонским, выявляются его исторические взгляды. **В результате** исследования делается вывод о том, что репрезентированное Я. П. Полонским в романе «Признания Сергея Чалыгина» восстание на Сенатской площади отражает позицию самого писателя – это «западничество», ориентация на европейский путь развития просвещенного государства. Я. П. Полонский выражает негативное отношение к описываемому событию в отечественной истории, затормозившему прогрессивное развитие России.

Ключевые слова и фразы: роман; репрезентация восстания на Сенатской площади; Я. П. Полонский; «Признания Сергея Чалыгина».

Вьюшкова Ирина Геннадьевна, к. филол. н.
Ишимский педагогический институт имени П. П. Ершова
(филиал) Тюменского государственного университета
wjuschkowa@rambler.ru

Репрезентация восстания на Сенатской площади в романе Я. П. Полонского «Признания Сергея Чалыгина» (1867)

Актуальность темы исследования определяется неоднозначной оценкой декабризма как исторического и политического феномена. С момента самого восстания 14 декабря 1825 г. и до сих пор интерес к нему не ослабевает, о чем свидетельствует обширная литература [2; 3; 6; 7; 15]. В среде писателей к осмыслению декабризма так или иначе обращались М. Ю. Лермонтов («Памяти А. И. Одоевского»), Н. А. Некрасов («Русские женщины»), А. С. Пушкин («Во глубине сибирских руд»), Л. Н. Толстой (незавершенный роман «Декабристы») и др. Все художественные тексты, посвященные декабристам, привлекли внимание литературоведов и были осмыслены [9; 13; 21]. Во 2-й половине XIX века (после Указа императора Александра II в 1856 году) начинается возвращение декабристов домой. В этой связи возникает новый виток интереса к декабризму как явлению, потрясшему Россию. В 1867 г. Я. П. Полонский – известный в XIX веке поэт – обращается к большой прозаической форме и создает свой первый роман «Признания Сергея Чалыгина». Проза Я. П. Полонского в разное время получила разноаспектное освещение и была противоречиво оценена [1; 4; 12; 16-18; 20; 22]. Исследуемое произведение также не осталось незамеченным. К его оценке обращались: <Без подписи> [5], И. Г. Вьюшкова [8], А. И. Лагунов [12], У. Кохановска [10; 11], И. Б. Мушина [14]. Данные работы наряду с трудами о декабристах составили **теоретическую базу** нашего исследования.

У. Кохановска отмечает, что «симпатии Полонского к декабристам зародились в 40-е годы, когда он, будучи студентом Московского университета, сам составлял частицу того общества, в котором царил культ декабристов, в котором будущий писатель имел возможность личных встреч с ними» [11, с. 142].

При проведении исследования мы использовали историко-литературный и историко-культурный **методы**.

Для достижения цели были сформулированы следующие **задачи**: проанализировать роман Я. П. Полонского «Признания Сергея Чалыгина»; осмыслить исторические взгляды писателя; уточнить отношение писателя к описываемым событиям, тем самым прояснив особенности его мировоззрения.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты, приводимые в статье, могут быть использованы в образовательном процессе как в вузе, так и в школе при изучении дисциплин гуманитарного цикла, способствуя усилению межпредметных связей.

Впечатления молодости Я. П. Полонского составили основу лучшего, но, к сожалению, незавершенного романа «Признания Сергея Чалыгина». Писателем была написана и опубликована только первая из 4 частей. В ней становление главного героя романа Сережи Чалыгина доведено до периода отрочества. На всем протяжении взросления Сережи большую роль играет его мать – мадам Чалыгина – женщина просвещенная, деятельная, активная, азартная (о чем говорит её игра в карты). Ее образ создается постепенно из замечаний, разбросанных в тексте романа, воспоминаний сына. К примеру, пронизано любовью портретное ее описание, которое дает Сережа: «Мать моя была недурна собой, а для меня она была тогда первой в мире красавицей» [19, с. 13]. В нем слились цветное, осязательное и звуковое восприятие матери. Именно мальчик отмечает не только ее достоинства: красоту (черные локоны, длинные ресницы, выразительные темные глаза, голос, бледно-трепетные руки), ум, милосердие (например, по отношению к безумному Ильину, которого ранили на Сенатской площади и узнать о здоровье которого она отправляет Кремнева и Сережу), – но и недостатки: то, что она уделяет ему слишком мало внимания, постоянно занята или в отъезде. Особенно ясно запомнился Сереже эпизод разговора матушки с Глаголевским о его учебе. Вновь становится очевидной близость характеров мадам Чалыгиной и Сережи. Это проявляется в нервности и лености. Однако матушка при этом сожалеет об этом сходстве и замечает, несмотря на похвалы Глаголевского об уме и памяти Сережи, что то, «что простительно

женщине, непростительно мужчине» [Там же, с. 79]. Именно образ мадам Чалыгиной задает и поддерживает историческую линию в романе. Характер Сережи формируется не только в общении с матерью, Юлинькой, Логиним, Кремневым и другими героями романа, его личность развивается и в связи с познанием общественной жизни. Его взросление овеяно непонятными разговорами, видением различных людей, бывших в гостях у матери (масоны и вольнодумцы из декабристского круга), атмосферой тайных встреч. Открытием для мальчика становится подсмотренное им в замочную скважину заседание Тайного общества. Мальчик фиксирует размеры пространства (большая комната), отмечает габариты предметов и степень освещенности (длинный стол, покрытый сукном и установленный зажженными канделябрами). Станным и не совсем понятным для ребенка становится момент, когда он до конца не может осознать, на самом деле он видел сидящих вокруг стола людей, внимательно слушающих стоящего на столе и читающего какую-то бумагу человека, или это его детское воображение под влиянием полумрака, тишины, таинственности домыслило увиденное. Однако одна фигура все-таки отчетливо врезалась в память Сережи – молодой, толстый, лысый генерал в мундире нараспашку с бокалом шампанского. В его портретном описании сделан акцент на широком и выразительном лице, больших и грустных глазах и указано на то, что он внимательно слушает читающего. Кроме того, мальчик замечает, что среди присутствующих есть знакомые ему люди, но нет матери. В дальнейшем, когда ребенок рассказывает ей увиденное ночью, мать пытается уверить его в том, что он видел всё во сне. Так называемый «сон-обманка», функция которого заключается в переключении внимания ребенка, обусловлен желанием матери оградить ребенка от неизведанного, незнакомого, того, что ребенку еще рано знать [8].

Как верно отмечает У. Кохановска [11], Я. П. Полонский удачно передал общий характер эпохи между двумя историческими датами 1814 и 1825 гг. с включением малозначимых фактов и событий, которые помогли движению сюжета к кульминации – восстанию на Сенатской площади. К особенностям авторского повествования исследовательница относит: «...ориентацию писателя Полонского на подготовленного читателя, хорошо знающего описываемую эпоху, знакомого с историей восстания декабристов... который сам должен воссоздать пропущенный автором “исторический комментарий”». Для писателя более важным становится воспроизведение настроения, атмосферы, сопутствующей данному историческому факту, указание его значения в процессе динамического развития событий, чем само его описание» [Там же, с. 161].

Описывая реалии той среды, в которой рос и воспитывался Сережа Чалыгин, Я. П. Полонский воссоздает атмосферу жизни просвещенного дворянства, демонстрируя, что в таких же условиях выросли и будущие декабристы.

Кульминацией исторических событий становится описание восстания на Сенатской площади, о котором рассказывает уже взрослый повествователь, вспоминая свои детские впечатления. Причем он сознательно оговаривает, что «он не историк Отечества моего, а историк впечатлений» [19, с. 198], припоминая события, увиденные глазами ребенка. Первое, что поражает его, – это крикливая суматоха, среди которой «свои своих не узнают»; второе – это то, что народ не понимает сути восстания. Демонстрируя это, Я. П. Полонский удачно обыгрывает анекдот, согласно которому непросвещенный народ не знает сути слова «конституция», подменяя его словом «констанция», выкрик которого Митрофаном усиливает атмосферу хаоса.

Рассказчик вспоминает разноречивые оценки случившегося события, данные другими людьми: Логиним, Аграфеной, Глаголевским.

К примеру, Логин, сопровождая Сережу, тревожится о том, чтобы толпа не задавила их, Аграфена, строящая обед, высказывает возмущение: «– Вишь чего захотели! Измены присяге! Эко дело! Да что же после этого будет, коли народ да православное воинство будет присяге изменять! Я бы их всех изменников!.. И маленькие, опухшие глазки ее сверкали так, как только могут сверкать маленькие опухшие глазки!» [Там же, с. 202]. Аграфена не понимает того, как Константин Павлович сам смог отказаться от престола, а бумагу, которую он якобы прислал, никто, и в частности Логин, не видел, публикации в газете тоже неубедительны для Аграфены. В своеобразном политическом споре между Аграфеной и Логиним, свидетелем которого явился Сережа, ему была близка точка зрения Логина, объясняется это тем, что мальчик действительно слышал. Далее звучит мнение Полонского о темноте и безграмотности народа, до которого не доходят правительственные указы, а если доходят, то через уста приказных, которым нельзя доверять; кроме всего, народ привык верить слухам, толковать все по-своему.

Дополняет картину явление Глаголевского, вид которого паразитичен: он не входит, а вваливается, тяжело дышит и напоминает Сереже человека, избежавшего смерти. Для Глаголевского 14 декабря – бедственное число по причине того, что у него потерялась шляпа, первая в его жизни после того, как он вышел из семинарии. Шляпа – специфическая деталь, ее нередко использовали писатели с целью характерологической функции (ср.: у Ф. М. Достоевского в романе «Преступление и наказание» шляпа Родиона Раскольникова). Шляпа – свидетельство достигнутого Глаголевским места столоначальника, в то время как ее потеря говорит о шаткости, ненадежности этого положения.

Картина воспоминаний о событиях на Сенатской площади была бы неполной, если бы повествователь не вспомнил о фигуре безумного Ильина, который появляется в романе в критические моменты, предвещая гибель Санкт-Петербурга (наводнение 1824 г.) и всего рода человеческого, России (восстание 14 декабря 1825 г.). Благодаря образу Ильина в роман вводится тема Апокалипсиса, что также способствует раскрытию авторской концепции и отношения к декабризму. Знаменательно, что исследователи указывают на то, что прототипом при создании образа Ильина послужил друг, мнением которого дорожил Я. П. Полонский, – П. Я. Чаадаев [Там же, с. 444].

Писатель интересно обыгрывает сам мотив безумия, явленный как в образе отдельного персонажа, в нашем случае Ильина (ср.: Чаадаев был объявлен сумасшедшим), так и в понимании того, что всех декабристов считали безумными (с чем был согласен и сам автор). Крайней точкой безумия Ильина его сестра баронесса Бафель считает решение отпустить всех людей на волю (то, к чему стремились декабристы). Символизация образа Ильина завершается к финалу романа словами героини Зизи: «О!.. безумные часто ближе к истине» [Там же, с. 257]. В погоне за повозкой, в которой была Юлинька, безумный спотыкается о сугроб, что тоже символично. Писатель тем самым демонстрирует, что такой герой, как Ильин, несмотря на максимализм, взгляды, еще не готов к происходящим событиям, в связи с этим сознание его затухает, как и та свеча, что освещала его комнату.

Сережа воспринимает все как необыкновенные похождения, окутанные атмосферой тайны, загадки, о которых он хочет немедленно поведать матери. К примеру, эпизод, когда он и Логин покидают дом Глаголевского и оказываются на улице. Видение, возникшее в глазах Сережи, можно воспринять двояко: и как реальное событие, и как галлюцинацию разгоряченного детского воображения. Причем зрительные галлюцинации переходят в звуковые: «...таинственные фуры тронулись, и, сквозь медленный грохот колес их, мне послышался стон. Вслед за удаляющимися фурами подоспел и двинулся целый отряд конницы» [Там же, с. 205]. Недосказанность, недоговоренность отличает стиль Я. П. Полонского на протяжении всего повествования.

Дальнейшее путешествие Логина с мальчиком после того, как их отпустил полицейский, автор сравнивает с работой вора, а дрожь мальчика сравнивает с дрожью преступника. Следующим препятствием на пути к дому стал бивак – «невиданное для столицы зрелище», – благополучно преодолеть который помогла, по мысли Сережи, серебряная серьга в одном из ушей Логина. Специфическая деталь, которая не мотивирована автором.

Красноречиво, но лаконично описана сцена встречи матери с сыном. Писатель заостряет внимание на чувствах женщины-матери, которая выражает свою радость криком и слезами. Слезы матери Сережа видел впервые, поэтому даже он со своей детской позиции понимает, сколько переживаний доставил он близкому и родному человеку.

В это время мадам Чалыгина уже не совсем здорова, усугубило положение ее простуда, возникшая от того, что, тревожась за сына, она кинулась на его поиски, не надев теплые одежды. Тем не менее это не мешает ей интересоваться происходящими событиями, о которых она расспрашивает, беседуя с Кремневым. Слова Кремнева очень важны в данном контексте как для понимания сути происходящего, так и уточнения позиции и взглядов Я. П. Полонского. Кремнев справедливо замечает, что экспромтом перевороты не делаются, особенно такого масштаба, касающиеся судьбы России, само такое мероприятие уже в корне обречено на провал. По своим взглядам Кремнев – западник, он – сторонник отмены крепостного права, свободы слова, печати – тех идеалов, которые были близки писателю Полонскому, но достижение которых возможно только путем постепенного прогрессивного развития просвещенного общества. В этой связи становится уместным упоминание Кремневым исторических личностей Петра I и Екатерины II, которые всколыхнули Россию, благодаря этому была одержана победа над Наполеоном в 1812 г. Самое губительное для государства, по мнению Кремнева, – это застой, который ведет к гниению: «...стоячая вода портится» [Там же, с. 210]. Такого же мнения придерживался и писатель Я. П. Полонский.

Возвратившийся Сережа стал центром внимания всей прислуги, так как он «был похож на человека, только что освобожденного из плена или воротившегося из дальнего путешествия» [Там же, с. 207]. Рассказы мальчика, преувеличенные воображением, сделали его «предметом любопытства», на него глазели, как на «невиданное зрелище». Рассказчик вспоминает, что каждый из прислуги делает замечания по его поводу: «Феня думала, что я прозяб; судомойка воображала, что я испугался; Лукерья сомневалась, обедал ли я. Муж ее Логин больше ничего не делал, как всю вину сваливал на меня» [Там же]. Из замечаний прислуги становится очевидно, что в доме мадам Чалыгиной служат заботливые люди, однако боязнь ответственности (в случае с Логинным) приводит к тому, что последний пытается избежать наказания. Однако мы понимаем и то, что Сережа выше всех замечаний прислуги, потому что сам мальчик осознает, что в этот день приобщился к чему-то таинственному, загадочному для него, но это «что-то» взбудоражило весь Петербург, шире – всю страну. Отзвуком приобщения к этому нечто явилось осмысление такого явления, как рабство. Мальчик вдруг начинает понимать, что крестьяне, привозившие мадам Чалыгиной оброк, – рабы, что мужики на базаре – рабы, что прислуга и даже Логин – рабы. И все они нуждаются в освобождении. Печать, оказывается, тоже несвободна, потому что есть такое явление, как цензура.

С одной стороны, расширяется миропонимание Сережи, он начинает соотносить явление рабства как факт исторического масштаба (рабы в Риме и рабы в России), с другой стороны, вся его дальнейшая жизнь сопряжена со страданиями, финалом которых стала болезнь матери, в конечном итоге ее смерть, отъезд Сережи с опекуном Нарышкиным в Рязанскую губернию, причем Никита Иванович Нарышкин, по определению Сережи, «заменял для меня все и всех, кого я покинул. *Заменял, не заменял!*» [Там же, с. 267].

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**: Я. П. Полонский в романе «Признания Сергея Чалыгина» (1867) одним из первых предпринял попытку изображения и оценки такого важного исторического события, как восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., в русской литературе. Представления Я. П. Полонского о государстве, обществе и историческом процессе сформировали определенные исторические взгляды, отразившиеся в романе. Они обусловлены мировоззренческими установками, воплотившимися в своеобразное «западничество». Во-первых, Я. П. Полонский был убежден в том, что государство должно прогрессивно развиваться по европейскому образцу, а двигателем должны быть передовые идеи. Согласно

этому, заслуга декабристов в том, что они предотвратили общественный застой, который наметился после «взрыва» 1812 года (позиция Кремнева).

Во-вторых, во главе государства должен быть вождь, Мессия, который должен повести народ за собой. Однако атмосфера «народного недоразумения», очевидцем которой стал Сережа, явно свидетельствует о том, что восстание было не продумано, крах его заключается в том, что декабристы действовали изолированно от народа, в то время как, по мнению Я. П. Полонского, должны были возглавить его. Однако и народ еще был не готов к действиям: темен и безграмотен, не зная сути указов, толковал все по-своему.

По мнению Я. П. Полонского, декабристское восстание оказало губительное влияние на Россию: пострадали лучшие люди просвещенного дворянства (в частности, выразитель авторской позиции – друг семьи Кремнев был сослан, мать героя – мадам Чалыгина умерла, путь Сережи окутан неизвестностью). Финал романа открыт, Россия вновь оказалась перед выбором.

Видится *перспективным* и *дальнейшее исследование* исторической линии в романе «Признания Сергея Чалыгина» в аспекте репрезентации образа лорда Ильина, прототипом которого послужил П. Я. Чаадаев, мнением которого дорожил Я. П. Полонский.

Список источников

1. А. Э. Я. П. Полонский в прозе. Литературный очерк // Вестник Европы. 1900. № 4. С. 637-650.
2. Азадковский М. К. Страницы истории декабризма: в 2-х кн. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. Кн. 1. 496 с.
3. Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009. 911 с.
4. <Без подписи>. (о прозе Полонского) // Северный вестник. 1886. № 6. С. 120-121.
5. <Без подписи>. (о романе «Признания Сергея Чалыгина») // Голос. 1867. № 193. 15 июля. Отд. «Библиография и журналистика». С. 1-2.
6. Бокова В. М. Эпоха тайных общественных объединений первой трети XIX в. М.: Реалии-Пресс, 2002. 651 с.
7. Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 461 с.
8. Вьюшкова И. Г. Онейропоэтика прозы Я. П. Полонского: монография. Ишим: Изд-во ИППИ им. П. П. Ершова, 2013. 108 с.
9. Гессен Л. А. Л. Н. Толстой в работе над романом «Декабристы» в 1877-1879 годах: автореф. дисс. ... к. филол. н. Л., 1955. 20 с.
10. Кохановска У. Проза Я. П. Полонского 1840-1860-х годов: автореф. дисс. ... к. филол. н. Л., 1981. 18 с.
11. Кохановска У. Проза Я. П. Полонского 1840-1860-х годов: дисс. ... к. филол. н. Л., 1981. 215 с.
12. Лагунов А. И. Истоки лиризма (о прозе Я. П. Полонского) // Вопросы истории и теории литературы: сб. науч. работ. Ставрополь: Ставроп. гос. пед. ин-т, 1972. С. 44-67.
13. Мейлах Б. С. Декабристы и Пушкин: страницы героико-трагической истории. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. 367 с.
14. Мушина И. Б. Поэзия и проза Я. П. Полонского // Полонский Я. П. Сочинения: в 2-х т. / вступ. ст. и коммент. И. Мушиной. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. Стихотворения; Поэмы. С. 5-26.
15. Нечкина М. В. Декабристы. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Наука, 1982. 183 с.
16. Новокрещенных Е. Г. Поэтика автобиографической прозы русских поэтов второй половины XIX в.: А. А. Григорьева, Я. П. Полонского, А. А. Фета: автореф. дисс. ... к. филол. н. Улан-Удэ, 2008. 18 с.
17. Орлов В. Н. Полонский // История русской литературы: в 10-ти т. М. – Л.: Акад. наук, 1956. Т. VIII. Ч. 2. Литература шестидесятых годов. С. 261-283.
18. Орлов П. А. Я. П. Полонский: критико-биографический очерк. Рязань: Рязанское кн. изд-во, 1961. 96 с.
19. Полонский Я. П. Сочинения: в 2-х т. / сост. и коммент. И. Мушиной. М.: Худож. лит., 1986. 463 с.
20. Полоцкая Э. А. Три главы из прозы Полонского // Полонский Я. П. Проза. М.: Сов. Россия, 1988. С. 3-20.
21. Пявловский М. А. Работа Л. Толстого над романом «Декабристы» // Толстой Л. Н. Декабристы. Неизданные отрывки из романа. М., 1925. С. 3-19.
22. Чапышкин В. А. Особенности психологизма в прозе Я. П. Полонского и С. А. Есенина // С. А. Есенин: проблемы творчества, связи: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Д. В. Бочаров, А. В. Сафронов. Рязань: Рязан. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина, 1995. С. 50-58.

Representation of the Decembrist Revolt in Y. P. Polonsky's Novel "Confessions of Sergei Chalygin" (1867)

Vyushkova Irina Gennadievna, PhD

Ishim Pedagogical Institute named after P. P. Ershov (Branch) of Tyumen State University

wjuschkowa@rambler.ru

The paper aims to identify specificity of the Decembrist revolt representation in Y. P. Polonsky's novel "Confessions of Sergei Chalygin". Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher for the first time analyses Y. P. Polonsky's reception of the remarkable historical event, reveals the writer's historical views. The conducted research allows concluding that the main character's perception of the Decembrist revolt represents the author's viewpoint – "Westernism", adherence to the European social model. Y. P. Polonsky expresses negative attitude to the mentioned historical event that hindered Russia's development.

Key words and phrases: novel; representation of Decembrist revolt; Y. P. Polonsky; "Confessions of Sergei Chalygin".